

5. Куайн У. Преследуя истину. М., 2014.
6. Макеева Л. Б. Язык, онтология и реализм. М., 2011.
7. Смирнов В. А. Логические методы анализа научного знания. М., 2002.
8. Хинтиikka Я. Проблема истины в современной философии // Вопр. философии. 1996. № 9.

Рукопись поступила в редакцию 6 августа 2014 г.

УДК 164:811.124

А. О. Копылова

УСЛОВИЯ ИСТИННОСТИ МОДАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛОГИКЕ У. ОККАМА*

Статья посвящена реконструкции подхода средневекового схоласта У. Оккама к анализу условий истинности модальных предложений. В ней эксплицированы общие черты семантики модальных предложений в логике Оккама и выявлена их семантическая близость к высказываниям о будущем и прошлом, а также обоснован вывод о том, что сближение предложений *sine dicto* с *de re* нельзя считать корректным.

Ключевые слова: средневековая модальная логика, *sine dicto* и *cum dicto*, *de re* и *de dicto*, суппозиция, номинализм

Возрождение теоретического интереса к средневековой модальной логике принято маркировать приблизительно 50–60-ми гг. XX в. Создание семантик временных, эпистемических, многозначных и модальных логик, а также введение в язык последних дистинкций *de re/de dicto* в значительной степени инспирировано античным и средневековым наследием. Недостаточная изученность и по настоящий момент многих текстов средневековых авторов, необходимость их адекватной интерпретации, а также отсутствие аппарата формализации в рассматриваемых логических теориях ставят перед исследователем средневековой логики преимущественно две задачи:

1) историко-текстуального анализа, интерпретации и реконструкции аутентичных концепций;

2) формализации логических теорий с целью их прояснения и поиска возможных плодотворных подходов для развития неклассических логических систем.

Особенно успешным можно считать обращение логиков XX в. [8, 9, 18] к модальным теориям и временной логике Средних веков. Несмотря на то что понимание алетических модальностей в данную эпоху в значительной степени находится под влиянием теологического контекста (к примеру, оно связано с известной дискуссией о понимании границ божественного всемогущества), в 60-е и 70-е гг. оно вызывает интерес многих современных исследователей, далеких от интереса к теологическим вопросам. Во многом это обусловлено тем, что

* В данной работе использованы результаты проекта «Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г. Выражаю благодарность Е. Г. Драгалиной-Черной за помощь в работе над статьей.

в позднем Средневековье развивается идея модальности, принципиально отличная от античных подходов. Она, по замечанию финского классика медиевистики и истории логики С. Кнууттилы, привлекает внимание исследователей, поскольку семантики, которые создаются на ее основе, имеют множество схожих черт с семантикой возможных миров.

С. Кнууттила выделяет три фундаментальные парадигмы понимания модальности в Античности: а) статистическую интерпретацию модальности, б) модель возможности как потенции, в) модель диахронических модальностей [9–11]. Базовыми текстами ранней схоластической логики были переведенные Боэцием трактаты Аристотеля «Об истолковании» и «Категории», а также сочинения самого Боэция — его комментарии на данные труды, на «Топику» Цицерона и другие его логические работы («О категорических силлогизмах», «О гипотетических силлогизмах» и др.)¹. Однако источником принципиально новой идеи модальности, начинающей развиваться в логике XII в., согласно Кнууттиле, является теория «вечного выбора Бога», принадлежащая Августину. Модальность, понимаемая как «референциональное многообразие с учетом синхронических альтернатив» [9], наиболее репрезентативно представлена в интенциональных системах Дунса Скота и, на мой взгляд, Оккама и Буридана. Одним из оснований для реконструкции поздних средневековых модальных концепций в семантике возможных миров, по мнению Кнууттилы, и является близость значения модальных терминов к идее синхронических альтернатив [11].

Историко-логические исследования средневековой модальной силлогистики в целом на настоящий момент существуют уже немало (особенно по сравнению с ситуацией, которая имела место пятьдесят лет назад²), но примечательно, что хотя среди других рассматриваемых схоластов так или иначе упоминается У. Оккам, рассмотрение его идей скорее находится на периферии внимания исследователей³. Целью данной статьи является реконструкция подхода У. Оккама к анализу условий истинности модальных предложений. В ее рамках будет показано различие между предложениями *cum dicto* и *sine dicto*, *sensu diviso* и *sensu composito*, а также неадекватность их сближения с *de re* и *de dicto*⁴. Будут эксплицированы общие черты семантики модальных предложений в логике Оккама и выявлена их семантическая близость к высказываниям о будущем и прошлом, а также обоснован вывод о том, что сближение предложений *sine dicto* с *de re* нельзя считать корректным.

¹ В свою очередь, в «новой логике» к ним добавляется оставшаяся часть «Органона» Аристотеля.

² К примеру, в известной книге «The Development of logic» авторства Уильяма и Марты Нил модальной логике практически не уделено внимания [7].

³ Это особенно характерно для работ С. Кнууттилы, С. Укельман и П. Тома; существенное внимание уделено Оккаму Х. Лагерлундом, но его основная цель — сравнить подход Оккама к модальной силлогистике с подходом его современника Кэмпзалла и выяснить основания существенных отличий между теориями схоластов [9, 12, 19]. Прицельно посвящена Оккаму статья К. Дьютил Новаеш, которая обращается главным образом к различию *sensu diviso* и *sensu composito* и их возможного соотношения с *de re* и *de dicto* [3]

⁴ Здесь мы следуем Дьютил Новаеш, которая обращает внимание на неадекватность сближения данных категорий в статье «A medieval reformulation of the *de dicto/de re* distinction», однако значительно радикализуем ее интенцию.

Базовые понятия

Условия истинности модальных предложений⁵ в логике У. Оккама тематизируются последним во второй книге трактата «Summa Logicae», а также в третьей части третьей книги. Вторая книга в целом посвящена анализу и описанию различных типов индикативных предложений и экспликации условий их истинности. Первая книга, в свою очередь, представляет собой исследование терминов и их свойств, в то время как третья обладает наиболее сложной структурой и состоит из четырех частей («De syllogismo simpliciter», «De syllogismo demonstrative», «De consequentis», «De fallacies»), в силу чего включает в себя наибольшее количество далеких друг от друга тем. Перед тем как перейти непосредственно к модальным предложениям, следует уточнить базовые понятия семантики Оккама и его общий подход к экспликации условий истинности предложений.

Оккам начинает с семантически наиболее простых видов предложений, а затем переходит к более сложным и проблематичным — от единичных предложений настоящего времени к универсальным, модальным, а также предложениям о будущем и прошлом. Наиболее общим делением индикативных предложений будет деление на категорические и гипотетические: первые являются простыми и состоят из субъектного термина, предикатного термина и копулы, в то время как вторые имеют составную структуру и включают в себя несколько категорических предложений. Важно отметить, что подход Оккама к установлению условий истинности предложений в значительной степени мотивирован его онтологическими интересами — признанием *реального* существования только единичных вещей⁶. Это характерно для его логической системы в целом; не будет преувеличением сказать, что она фундирована его номиналистической позицией, что проявляется как на уровне теории терминов и их свойств, так и на уровне предложений и силлогизмов.

Для прояснения особенности подхода Оккама к пониманию истинности предложений возьмем самый простой пример из его классификации предложений — единичное категорическое немодальное предложение. Таковым будет предложение, где субъектом является указательное местоимение (я буду далее называть его демонстративом) или собственное имя. То, что семантику предложений с субъектными терминами подобного рода Оккам расценивает как базовую и наиболее простую, может показаться не совсем очевидным современному читателю: экспликация адекватной семантики имен собственных и индексальных выражений продолжает считаться нетривиальной задачей, требующей значительного внимания исследователей. Однако для Оккама принципиальна онтологическая простота данных терминов: и собственное имя (например, «Сократ»), и демонстратив указывают на конкретный объект внешнего мира, являющийся единственным⁷. Итак, у нас есть предложение

⁵ Латинское *propositio* здесь намеренно переводится как «предложение», так как для Оккама важны грамматические особенности приводимых им латинских конструкций.

⁶ «Вещь» здесь будет употребляться как замена латинскому *res* во избежание возможных коннотаций слова «объект», которое иногда для схоластической мысли выступает как анахронизм.

⁷ Понятно, что иначе дело обстоит с общими терминами, к примеру с термином «собака». Для Оккама принципиально важно, что общий термин обозначает не некоторое отдельное качество или понятие, а дискретно и одновременно — различных индивидов.

(1) Ангела Меркель [есть] человек⁸.

В этом предложении имеется субъектный термин «Ангела Меркель», предикат «человек» и копула настоящего времени⁹. Для того чтобы предложение (1) было истинным, необходимо и достаточно, чтобы субъект и предикат суппонировали¹⁰ одну и ту же вещь [15, 86]. Оккам поясняет эту мысль¹¹: посредством подобного предложения не утверждается, что то, что субъект суппонирует (в данном случае — Ангела Меркель), обладает сущностью «человечность» или что данная сущность в нем содержится. Сущности, так же как роды и виды, согласно Оккаму, не обладают *реальным существованием*.

Как замечает медиевист и переводчик двух книг *Summa Logicae* на английский язык А. Фреддосо, во второй главе второй части «*Summa Logicae*» Оккам показывает, что теория предикации предполагает «реальное существование только индивидуальных субстанций и качеств» [6, 1]. По словам Фреддосо, здесь Оккам пытается противостоять позиции реалистов, которая заключается в том, что для истинности даже самой простой предикации необходимо постулировать существование сущностей, которые реально отличаются от тех *единичных вещей*, которые с ними связываются.

Важно, что теория истины, которая предлагается Оккамом, основана на понятии суппозиции. Эта особенность понимания истины зарождается в рамках терминистской логики XIII в. как оппозиция более раннему метафизическому подходу Фомы Аквинского, причем наиболее репрезентативным образом она представлена в системах У. Оккама и Ж. Буридана. Подобная концепция, по замечанию Дьютил Новаеш, является едва ли не лучшим примером в истории философии теории истины, которая основана не на идее корреспондентности [4].

Понятие суппозиции нельзя считать новацией Оккама, оно появляется уже в терминистской логике, однако только в XIV в. выходит на первый план среди других семантических свойств терминов. Особенность его использования Оккамом заключается в том, что данное свойство ставится им в зависимость от другого, базового для его системы понятия «сигнификация». Сигнификация (от лат. *significatio* — обозначать) в первую очередь является эпистемическим и психологическим отношением. Введение данного термина в словарь средневековой логики связывается с комментарием Боэция на трактат Аристотеля «Об истолковании», в котором акт сигнификации определяется как акт установления понимания. Однако экспликация более позднего значения данного понятия представляется проблематичной [14]: связь между эпистемическим характером сигнификации, а также ее семантической функцией и ее отношением к суппозиции не совсем очевидна и продолжает быть предметом исследований. Тем не

⁸ Для того чтобы использованное в указанном примере собственное имя принадлежало индивиду, живущему в настоящее время, я выбрала имя канцлера Германии.

⁹ В русском языке копула эксплицитно присутствует не во всех случаях, но для нашего анализа важно использовать ее, даже когда для благозвучия без нее можно было бы и обойтись.

¹⁰ Значение понятия «суппонировать» будет уточнено далее, но для ясности здесь следует отметить, что глагол *supponit* означает «предполагать», а суппонирование, в свою очередь, может пониматься как обозначение некоторого объекта, которое возможно только в пропозициональном контексте.

¹¹ Собственное имя здесь сознательно заменено на имя нашего современника, — для анализа условия истинности предложений подобного рода это существенно.

менее можно сказать, что для Оккама сигнификация в наиболее прямом смысле понимается как первичное по природе отношение между концептом и реальным единичным объектом. Термин может сигнифицировать объект в силу того, что имеет место акт схватывания данного объекта, в котором образуется концепт. Таким образом, точкой отсчета является когнитивный акт.

Следуя Боэцию, Оккам выделяет три типа языка — письменный, устный и ментальный. Первые два являются конвенциональными и подчиненными концепту, или интенции души, в то время как последний — единственный термин, который образуется по природе. Различение первичной и вторичной сигнификации связано с тем, какого типа термин сигнифицирует реальный объект (или, что тоже допускается, концепт). Идея сигнификации, которая является базовой для теории суппозиции, применяется к терминам только в рамках пропозиционального контекста. Оккам определяет суппозицию как то, что «означает как бы подстановку вместо другого, так что когда термин стоит в высказывании вместо чего-либо, то он подразумевает это, и все это истинно, по крайней мере, если он взят сигнификативно» [2, 28].

Особенностью использования теории суппозиции было то, что она была традиционно направлена на экзегезу различных двусмысленностей в текстах: в зависимости от вида суппозиции термин мог подразумевать не то, что он реально сигнифицирует (так, например, термин «человек» может суппонировать не индивида, а имя). Но в XIV в. суппозиция становится фундаментом для новой теории истины. В отличие от сигнификации, будучи свойством терминов только в пропозициональных контекстах, она позволяет указывать на то, что подразумевают и субъект, и предикат. Например, в предложении «Сократ есть живое существо» сказывается, что если оно истинно, то субъект суппонирует тот же объект, который суппонирует и предикат «живое существо». Хотя сигнифицируют два этих термина по-разному: «Сократ» сигнифицирует реального индивида, в то время как «живое существо» сигнифицирует дискретно все объекты, которые являются живыми существами (в том числе и Сократа).

Одной из особенностей исследования теории суппозиции во второй половине XX в., особенно в 80-е гг., было ее отождествление с теорией референции [1, 13, 17]. Тем не менее к настоящему моменту такое отождествление не может считаться общепринятым. Так, Дьютил Новаеш возражает против него, предлагая рассматривать теорию суппозиции скорее как теорию пропозиционального значения¹². Не останавливаясь подробно на реконструкции средневековой концепции в терминах современных теорий, далее мы будем следовать аутентичному схоластическому языку.

¹² Подробнее см. [5]. Несмотря на то что для экспликации условий истинности предложений в логике Оккама понятие суппозиции является базовым, его дальнейшее рассмотрение и концептуальное сближение с терминологическим аппаратом современной семантики здесь осуществляться не будет.

Модальные предложения

Центральным для модальной логики Оккама является понятие *dictum*. Именно наличие или отсутствие *dictum* является основным критерием для разделения двух базовых типов модальных предложений. Как замечает схоласт, «предложение иногда называется модальным, потому что *dictum* предложения взят с таким модусом» [15, 119]. Это самый частый и семантически простой вид модальных предложений. Примерами таковых будут следующие:

(2) То, что каждый человек является животным, необходимо.

(3) То, что каждый человек является бегущим, контингентно.

В переводе на русский язык предложения (2) и (3) вызывают сомнения в том, можно ли их подвести под общий род категорических предложений. Чисто синтаксически это представляется некорректным: в обоих случаях следует говорить скорее о сложноподчиненном, чем о простом категорическом предложении с одним субъектным термином, одним предикатным термином и одной копулой. При переводе на русский язык (как и на английский) не удается сохранить структуру латинского *dictum*, которое преобразуется в придаточную конструкцию. Несмотря на то что значение данного термина не было устойчивым (Абеляр понимает его скорее как то, что утверждается посредством предложения [3]), к XIV в. под *dictum* имелась в виду лингвистическая конструкция *accusativus cum infinitivo*. Таким образом, для латинского языка совершенно корректно говорить о предложениях с *dictum* как о категорических. Приведу латинский оригинал предложения (2):

(4) *Omnem hominem esse animal est necessarium.*

Диктумом будет конструкция (4.1) — *hoc quod dicitur omnem hominem esse animal.*

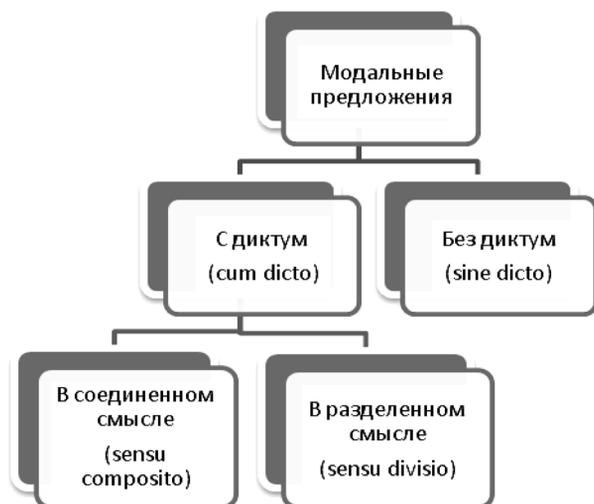
Другим видом модальных предложений Оккам называет те, в которых отсутствует *dictum*, например,

(5) Каждый человек необходимо является животным.

Это наиболее общее различие модальных предложений, которые у Оккама обозначены *cum dicto* и *sine dicto*, как легко заметить, пока носит чисто синтаксический характер. Важно, что подобная структура релевантна, согласно Оккаму, не только для алетических модальностей, но и для остальных видов модальностей — эпистемических, деонтических и др. Как замечает Оккам, Аристотель в своих сочинениях не затронул многие модусы [15], хотя нельзя сказать, что он их отрицал. Модус высказывания должен сказываться обо всем высказывании [Там же, 109] (!), а таковых может быть значительно больше, чем четыре: Оккам обращает внимание, что высказывания могут быть ложными, познанными, принятыми на веру, сомнительными и др. По замечанию Лагерлунда, Оккам является первым философом, который расширяет модальную силлогистику за пределы алетических модальностей [12]. Однако принципиально, что временные высказывания в состав модальных не включаются, а считаются самостоятельным видом и идентифицируются по наличию в них копулы будущего или прошедшего времени.

Помимо общего деления на предложения *sine dicto* и *cum dicto* Оккам предлагает более узкое деление предложения *cum dicto*. Он замечает, что их следует

различать с учетом смыслов *sensu compositio* и *sensu divisio*, т. е. соединенного и разъединенного смыслов, причем последний будет эквивалентен предложению *sine dicto*. Таким образом, получается, что синтаксическое различие предложений на те, в которых содержится диктум, и те, в которых он отсутствует, а затем дополнительное дробление первых с учетом разделенного и соединенного смыслов можно свести к разделению на два семантических типа (см. рисунок).

Деление модальных предложений

Различение *sensu compositio* и *sensu divisio* берет начало в трактатах Аристотеля «Софистические опровержения» и «Об истолковании», где оно понимается как один из паралогизмов. Оккам следует Аристотелю, выделяя данный паралогизм среди других в III-4 Summae Logicae «De fallacies», но в разделе, посвященном анализу модальных предложений, он не эксплицирует связь указанных смыслов с теорией паралогизмов. Однако, что примечательно, в наиболее общем виде (не применительно к Оккаму) это делает А. Прайор, который, различая сначала вслед за средневековыми схоластами модальные предложения *cum dicto* и *sine dicto*, а затем обращаясь к тексту «Софистических опровержений», выделяет паралогизмы соединения и разъединения. Прайор приводит пример, вдохновленный «Софистическими опровержениями» и «Summulae» Петра Испанского

(6) «Человек может¹³ писать, когда он не пишет» [18, 186].

Трактовка этого предложения зависит от группировки, иначе говоря, от области действия операторов, которая, в свою очередь, зависит от того смысла, в котором прочитывается предложение.

(6.1) *sensu composito*: Человек может писать-когда-он-не-пишет.

(6.2) *sensu divisio*: Человек может-писать, когда он не пишет.

¹³ В английском оригинале стоит словосочетание *is able*, которое выражает как возможность, так и природную способность человека.

Другими словами, первое предложение будет ложным, так как для человека невозможно обладать свойством *писать* и *не писать* одновременно, в то время как второе предложение может быть истинным, — имеется в виду, что даже когда человек не пишет, *он обладает способностью писать*.

Интересно, что окончательную интерпретацию этих примеров Прайор осуществляет через наличие в них диктума, что в конечном счете отождествляется со смыслами *de dicto* и *de re*. Таким образом, данные предложения могут быть переформулированы следующим образом:

(6.1) \Rightarrow (6.3) То, что человек пишет, когда он не пишет, возможно.

(6.2) \Rightarrow (6.4) Человек который не пишет, может писать¹⁴.

По мнению Прайора, «в первом смысле возможность предцирована *de dicto* диктуму» (6.3), в то время как во втором смысле она «предцирована *de re* индивиду» [18, 186]. Сначала Прайор говорит о возможности использования различия синтаксической формы *sine dicto* и *cum dicto* для выражения различия в смыслах. Однако затем, дополнив аппарат анализа паралогизмами соединения и разделения¹⁵, он уже на основании семантических причин указывает на наличие двух прочтений *de dicto* и *de re*. Таким образом, *sensu composito* отождествляется им с *de dicto*, а *sensu diviso* — с *de re*. Хотя в данном фрагменте Прайор прямо и не следует Оккаму (а скорее опирается на Петра Испанского и синкретический опыт других схоластов), он осуществляет анализ, который хорошо вписывается в рамки предложенных Оккамом дистинкций. Прайор стремится к интерпретации *sensu diviso* как *de re*; в данной статье я надеюсь показать, почему применительно к Оккаму этот шаг не может считаться корректным.

Вернемся к различению типов модальных предложений Оккамом. В соответствии с рисунком (он включает деление как по синтаксическим, так и по семантическим характеристикам, что соответствует интенции схоласта) остаются только две разновидности модальных предложений, которым соответствуют различные условия истинности, — обозначим их как предложения *sine dicto* и *cum dicto*.

Начнем с предложений *cum dicto* как наиболее простых для семантического анализа, согласно подходу Оккама. В составном смысле всегда утверждается, что модус предцирован предложению, которое соотносится с рассматриваемым диктумом.

Возьмем предложение

(2) То, что каждый человек, является животным, необходимо.

Оккам оценивает (2) как истинное. Соответственно модус «необходимо» истинно предцирован предложению, которое, в свою очередь, соотносится с диктумом «То, что каждый человек является животным». В главной конструкции диктум здесь будет выступать в качестве субъектного термина, в то время как модус — в качестве предиката.

Предложение *cum dicto* будет истинным, если и только если модус истинно предцирован соответствующему предложению.

¹⁴ Аналогом в английском языке конструкции «может писать» (*is able to write*), по мнению Прайора, будет *possibly-writing*.

¹⁵ Непосредственно он здесь явно опирается на различение Петром Испанским двух типов модальных предложений (соединенного и различенного).

Предложения *sine dicto* представляют бóльшую сложность для семантического анализа. Оккам делает важное замечание, что предложения *cum dicto* и *sine dicto* не являются взаимозаменяемыми и непереводаемы друг в друга. Одно может быть истинным, в то время как другое — ложным. Такова ситуация с известными примерами, которые схоласт заимствует у Аристотеля

(2) То, что каждый человек есть животное, необходимо.

(2.1) Каждый человек необходимо есть животное.

При этом предложение (2.1), согласно как Аристотелю, так и Оккаму, будет ложным.

Для истинности предложений *sine dicto*, пишет схоласт, «необходимо, чтобы модус, выраженный в данном предложении, был истинно предцирован немодальному предложению, в котором тот же самый предикат был предцирован тому, что субъект суппонирует» [15, 113]. Как замечает сам Оккам, дело обстоит таким же образом, как и в случае с предложениями настоящего и прошедшего времени. То, как им осуществляется данный анализ, лучше всего показать на авторском примере

(7) Каждая истина необходимо истинна.

(Оккам допускает в свою логическую систему самореферентность.)

Как поясняет философ, в данном случае «должно быть необходимо каждое предложение, в котором предикат предцирован ко всему, что субъект суппонирует» [Там же] (ср. с подходом к анализу универсальных предложений *cum dicto*). Таким образом, предложение (7), согласно Оккаму, будет истинно, если будут истинны следующие метапредложения:

(a) «Это» [есть] «истина».

(b) (Это [есть] истинно) [есть] «необходимо» при условии, что предикат подчиненного предложения «истинно» предцирован тому, что суппонирует субъект исходного предложения.

В данных предложениях роль субъектного термина исполняет указательное местоимение, в то время как роль предиката в (a) исполняет субъект изначального предложения (7), а в (b) — предикат изначального предложения (7).

Авторский пример представляется не самым удачным в силу наличия самореферентности, поэтому представим здесь общую форму.

Предложение

(8) «Субъект» [есть] (модальность, выраженная в форме наречия) «предикат» истинно, если будут истинны следующие предложения:

«Это» [есть] «субъект»,

(Это [есть] предикат) [есть] «модус» при условии, что предикат должен быть предцирован тому, что суппонирует субъект исходного предложения.

В предложении (a) субъект должен суппонировать то же, что суппонирует предикат в предложении (b), при условии, что (a) и (b) истинны. Таким образом, истинность предложения (8) требует истинности двух предложений, одно из которых является немодальным, а другое имеет форму *cum dicto*.

В исследовательской литературе, особенно в 80-е гг. XX в., было принято отождествлять *sensu diviso* модальных предложений *sine dicto* в системе Оккама с модальностью *de re* [9–11, 17]. Причем если какие-то возражения и высказывались,

то скорее относительно *de dicto* [17], в то время как первое отождествление не вызывало вопросов. Среди специалистов, не приветствовавших его, следует выделить Дьютил Новаеш, которая кратко излагает историю появления в современной модальной логике дистинкции *de re* и *de dicto* и показывает, что *sensu diviso* не следует понимать как *de re*, так как он все равно будет сведен к *de dicto* [3]. Хрестоматийное различие данных прочтений модальных предложений вводит фон Бригт [20], обращаясь к Фоме Аквинскому, для которого критерием различения как раз являлась роль диктума. В данной статье я следую Дьютил Новаеш [3], однако значительно радикализирую ее подход.

Границы действия модуса для предложений *cum dicto* и предложений *sine dicto* действительно разные: область действия модуса последнего ограничивается связкой, таким образом, модус не является предикатом всего предложения. Представляется, что рассматриваемый семантический тип, обозначенный нами как *sine dicto* (и который не сводится только к данной синтаксической структуре), не может быть отождествлен со смыслом *de re*. Анализ условий истинности модального предложения *sine dicto* реализуется Оккамом с помощью выделения двух более простых остенсивных метапредложений, истинность которых гарантирует истинность модального предложения. Таким образом, с уровня высказывания Оккам не уходит, и говорить (чисто технически), что в случае *sine dicto* модальность относится не к выражению, а к индивидуальному объекту, мы не можем, поскольку и во втором случае она также приписывается высказываниям.

С другой стороны, представляет интерес то, что, как указывает сам Оккам, анализ условий истинности предложений *sine dicto* осуществляется аналогично анализу условий истинности предложений о будущем и прошлом. Согласно реконструкции С. Кнууттилы для модальной семантики Оккама характерно понимание модальности как «референциального многообразия с учетом синхронических альтернатив» [9], в то время как некоторым предшествующим модальным теориям Средних веков было свойственно понимать алетические модальности темпорально и диахронически, например Боэцию. Тогда встает вопрос об основаниях сближения Оккамом анализа условий истинности модальных предложений и предложений о будущем и прошлом: если они не оцениваются в рамках общей диахронической перспективы, то чем обусловлен единообразный подход к экспликации семантики?

Можно предположить, что сближение условий истинности предложений о будущем и прошлом и модальных предложений проводится Оккамом в силу следующих причин. Во-первых, несмотря на то что временные предложения имеют дело скорее с диахронической перспективой, в то время как модальные — с синхронической, общий для анализа и тех и других аппарат суппозиции позволяет описывать их с помощью одного инструментария. Во-вторых, особенностью подхода Оккама, а за ним и другого номиналиста — Буридана, является введение простых метапредложений с демонстративами. Подобное решение, на мой взгляд, мотивировано в первую очередь онтологическими интересами, поэтому и распространяется на разные типы высказываний. Простые метапредложения с демонстративами по сути имеют остенсивный характер (к примеру, предложение «Это есть Сократ»), что делает их онтологически наиболее простыми, а семантически — базовыми

для Оккама. Указание на конкретный реальный объект и его суппонирующее не вызывает трудностей, связанных с универсалиями или абстрактными терминами, а потому модель введения оstenсивных метапредложений становится общей для семантики и модальных предложений и предложений о будущем или прошлом.

-
1. Лисанюк Е. Н. Теория суппозиции в Средние века // Verbum. СПб, 2000. № 2. С. 14–37.
 2. Оккам У. Избранное / пер. А. В. Апполонова, М. А. Гарнцева. М., 2010.
 3. Dutilh Novaes C. A medieval reformulation of the de dicto/de re distinction // LOGICA Yearbook. 2003. Prague, 2004. P. 111–124.
 4. Dutilh Novaes C. Medieval Theories of Truth // Lagerlund H. Encyclopedia of Medieval Philosophy. B. : Springer, 2011. P. 1340–1347.
 5. Dutilh Novaes C. Formalizing Medieval Logical Theories. Springer, 2007.
 6. Freddoso A. Introduction // Ockham W. Part II of the Summa Logicae. St. Augustine Press, 1998.
 7. Kneale M. and W. The Development of Logic. Clarendon Press, 1962.
 8. Kneale W. Modality de dicto and de re // Nagel E., P. Suppes & A. Tarski. Logic, Methodology and Philosophy of Science. Stanford University Press, Stanford, 1962.
 9. Knuuttila S. Modalities in medieval philosophy. L. ; N. Y., 1993.
 10. Knuuttila S. Modality // The Oxford Handbook of Medieval Philosophy. Oxford University Press, 2012. P. 312–341.
 11. Knuuttila S. Medieval modal theories and modal logic // Handbook of the history of logic. Vol. 2 : Medieval and renaissance logic. Amsterdam : North-Holland, 2008. P. 505–578.
 12. Lagerlund H. Modal Syllogistics in the Middle Ages. Brill, 2000.
 13. Moody Ernest A. Truth and consequence in Medieval logic // Dialectica. Vol. 8, Iss. 1.
 14. Normore C. G. Some aspects of Ockham's logic // The Cambridge Companion to Ockham. Cambridge University Press, 1999.
 15. Ockham W. Part II of the Summa Logicae. St. Augustine Press, 1998.
 16. Ockham. Summa Logicae St. Bonaventure ; N. Y., 1974.
 17. Priest G., Read S. Ockham's Rejection of Ampliation // Mind, New Series. Vol. 90, No. 358 (Apr., 1981). P. 274–279
 18. Prior A. Formal logic. Clarendon Press, 1962.
 19. Uckelman, Sara L. Modalities in Medieval Logic, Ph.D. dissertation, ILLC Dissertation Series, 2009.
 20. Wright G. H. von. An Essay in Modal logic. Amsterdam, 1951.

Рукопись поступила в редакцию 6 августа 2014 г.